ISSN 0320—331X

Техника — Молодежи

1990 · 7

Сегодня на Сетке стр. 50

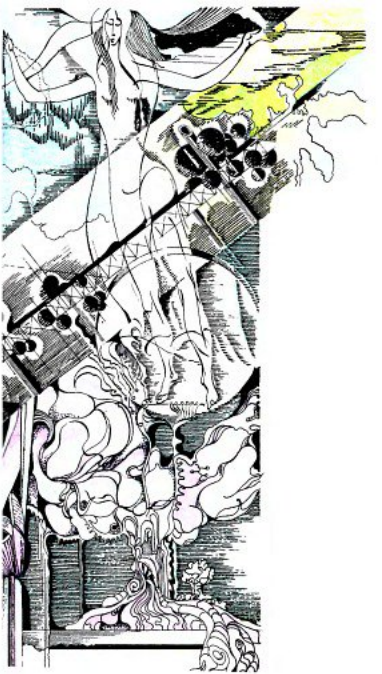
Тысяча грез Стеллависты
Джеймс Грэм Боллард

Аннотация
Джеймс Боллард. Тысяча грез Стеллависты

Аннотация

Говард и Фэй Талботы покупают себе дом на улице Стеллависта в Пурпурных Песках. Но этот дом не простой - он построен в период расцвета психотропной архитектуры и "помнит" эмоции и характеры прежних обитателей.

Джеймс Боллард
Тысяча грез Стеллависты



Перевела с английского Татьяна Шинкарь.

В наши дни уже никто не приезжает в Красные Пески, да, мне кажется, совсем не осталось тех, кто еще помнит или слышал о них. Но лет десять назад, когда мы с Фэй, еще до нашей ссоры, приехали сюда, чтобы поселиться в доме 99 по улице Стеллависта, Красные Пески были довольно хорошо известны.

В те далекие времена процветания здесь любили отдыхать и развлекаться киномагнаты, свихнувшиеся богатые наследницы, чудаковатые скитальцы-космополиты.

Но уже тогда, до экономического спада, большинство абстракционистских вилл и псевдодворцов в Красных Песках пустовало, сады заглохли, двухъярусные бассейны высохли, а сам городок напоминал заброшенный увеселительный парк, где аттракционы ветшают и приходят в негодность. Однако атмосфера необычности все еще сохранилась здесь, словно его знаменитые обитатели покинули городок совсем недавно и вот-вот должны вернуться.

Я помню, как мы совершали нашу первую обзорную поездку по улице Стеллависта в машине сопровождавшего нас агента по продаже недвижимости. Мы с Фэй с трудом сохраняли респектабельную серьезность, хотя нам то и

дело хотелось шумно выразить свое изумление и восторг.

Нас охватывал почти священный трепет, когда мы узнавали, кто живет за плотно зашторенными окнами того или иного особняка, Стамерс, наш юный агент, видимо, в душе поздравлял себя с тем, что заполучил пару таких провинциальных простофиль. Именно поэтому он особенно усердно рекламировал наиболее странные и пугающе-неправдоподобные сооружения. Их, должно быть, непременно показывали всем в надежде, что их вид достаточно ошеломит и напугает клиента и он станет сговорчивее, когда увидит потом что-нибудь более похожее на нормальное человеческое жилище.

Один из особняков, стоящий на пересечении Главной улицы и улицы Стеллависта, потряс бы воображение даже самого искушенного поклонника сюрреалистического искусства. Отгороженный от улицы зарослями пыльных рододендронов, он представлял собой шесть разного размера обшитых алюминием шаров, свободно прикрепленных к подобию гигантской бетонной шлюпбалки. В самом большом из них, как сообщал рекламный проспект, была гостиная, а в тех, что поменьше, спальни, кухня

и прочие помещения. В алюминиевых шарах то там, то сям виднелись отверстия, должно быть, окна. Вся эта слегка потускневшая от солнца и ветров конструкция, напоминавшая покинутый космический корабль, печально возвышалась над бетонированной площадкой двора, в щелях которой густо проросли сорняки.

Стамерс, оставив нас в машине в тени рододендроновых кустов, сам отправился к дому, чтобы включить всю эту пока неподвижную конструкцию (следует сказать, что в Красных Песках все дома психотропные). Наконец мы услышали негромкий гул, и шары, дрогнув, пришли в движение. Они двигались по кругу, сверху вниз, почти достигая земли.

Фэй испуганно смотрела на это странное и все же красивое зрелище, а я, не сдержав любопытства, вышел из машины и решил поближе подойти к дому. Когда я подошел достаточно близко, я заметил, как главный шар, находившийся внизу, вдруг стал замедлять свое движение, приостановились и остальные. Из проспекта я знал, что дом был построен всего восемь лет назад одним телевизионным магнатом, решившим проводить здесь уик-энды. За это время дом неоднократно переходил из рук в руки. В списке его именитых

владельцев числились две не очень известные киноактрисы, известный врач-психиатр, композитор, сочинитель ультразвуковой музыки.

Покойный Дмитрий Шэкман, страдавший приступами помешательства, говорят, однажды пригласил сюда кучу гостей присутствовать при его самоубийстве. Однако никто из приглашенных не явился, и хозяин был так раздосадован, что от самоубийства отказался. Последним владельцем был знаменитый автомобильный дизайнер.

Имея столь блестящую родословную, дом, казалось, мог рассчитывать, что не менее чем через неделю найдет нового хозяина даже здесь, в Красных Песках. Но тот факт, что он числился в проспекте уже не одну неделю, даже не один месяц и не один год, свидетельствовал о том, что его обитатели не обрели здесь ни покоя, ни счастья.

Тем временем главный шар совсем остановился. Он был всего в нескольких шагах от меня, и в его открытой двери я увидел Стамерса. И хотя тот ободряюще улыбался мне, я почувствовал, как насторожен дом. Едва я ступил на спущенную мне навстречу лестницу, по которой должен был подняться в дом, как она мгновенно вместе со мной была втянута внутрь главного шара. При этом он гулко задрожал, за ним остальные шары.

Всегда любопытно наблюдать, как реагируют психотропные дома на вторжение незнакомого человека, особенно если он насторожен и полон опасений. В таких случаях реакция может быть самой неожиданной от неприязни до откровенной враждебности. Такая реакция, возможно, является следствием неприятных мгновений, пережитых хозяевами - например, неожиданного визита судебного исполнителя или же квартирного вора. Однако последние предпочитают держаться подальше от психотропных домов слишком велика опасность стать жертвой опрокидывающихся балконов и сужающихся коридоров. Первая реакция психотропного дома говорит о нем больше, чем пространная информация агента о модуле эластичности стен или мощности контрольного устройства в лошадиных силах.

Что бы там ни было, но я чувствовал, как этот дом защищал себя от нашего вторжения. Пока я поднимался по лестнице в гостиную, Стамерс возился с контрольным устройством. Он предусмотрительно хотел максимально снизить напряжение. Обычно агенты поступают наоборот, когда показывают дома покупателям, чтобы продемонстрировать все их психотропные

свойства. Мой же агент, кисло улыбнувшись, объяснил:

Проводка, видимо, старая. Заменим за счет фирмы. Внесем это в контракт. Кое-кто из последних владельцев был связан с шоу-бизнесом, а у этих людей свое представление о том, как жить на полную катушку.

Я понимающе кивнул и поднялся на галерею, опоясывающую гостиную. Это была красивая комната с молочно-белыми стенами из пластекса и флюоресцирующим потолком. Но в этой комнате, видимо, случилось какое-то несчастье. Она немедленно ответила на мое появление. Потолок завибрировал и поднялся, стены потемнели, и мой ищущий взгляд разглядел в них темные узлы и утолщения. Комнате когда-то была нанесена травма, оставившая свой след. На моих глазах скрытые трещины стали деформировать тело шара. Ниша превратилась в выпуклую полусферу с такими тонкими стенками, словно у готового лопнуть воздушного шарика.

Подошедший Стамерс легонько похлопал меня по руке:

- Как реагирует, а, мистер Талбот?

Он положил ладонь на стену за своей спиной. Стена мягко потекла вниз, как язычок зубной

пасты, выжатый из тюбика, и, изогнувшись, образовала нечто вроде сиденья. Стамерс опустился в него, как в кресло, удобно умащиваясь и ожидая, когда образуются подлокотники и спинка.

- Присаживайтесь, мистер Талбот, расслабьтесь и будьте как дома.

Сиденье мягко обхватило меня, словно огромная белая ладонь, и в то же мгновение пришедшие в движение стены и потолок гостиной затихли и успокоились. Очевидно, задачей Стамерса было как можно скорее усадить клиента, чтобы он, бесцельно слоняясь по дому, не наделал бы какой беды. Кто-то, видимо, достаточно побегал взад и вперед по этой гостиной, нервно ломая пальцы, и стены запомнили это.

- Разумеется, вся мебель здесь встроенная, пояснял Стамерс. - Виниловые соединения в пластексе подобраны буквально молекула к молекуле.

Я почувствовал, как комната снова движется вокруг меня, потолок пульсирует в ритм нашему дыханию. В этом было что-то пугающее. Иногда равномерный ритм вдруг прерывался - и тогда казалось, что это бьется чье-то больное сердце.

Я понял, что дом не только напуган, он болен. Кто-то, возможно, тот же Дмитрий Шэкман, в безумной ярости сотворил здесь что-то ужасное

над собой. Я хотел было спросить Стамерса, не в этой ли гостиной хозяин собирался покончить с собой на глазах у гостей, но увидел. что Стамерс весь как-то напрягся в своем кресле и недовольно оглядывается вокруг.

Тем временем я ощутил тяжесть в голове и звон в ушах. Видимо, атмосферное давление в гостиной резко изменилось. По полу с сухим шорохом пронесся в сторону двери подхваченный потоком воздуха песок.

Стамерс вскочил с кресла, которое тут же исчезло в стене.

- Давайте-ка, мистер Талбот, прогуляемся по саду, сразу почувствуете... - Он умолк, и на лице его отразились недоумение и тревога.

И тут я увидел, как низко висит над нами потолок. Он пульсировал и напоминал огромный белый пузырь.

- ...нормализацию давления, - автоматически закончил фразу Стамерс и, схватив меня за руку, потащил к выходу.

- Ничего не понимаю, - растерянно бормотал он, когда мы бежали но коридору, подгоняемые свистящими струями воздуха.

Я, пожалуй, сразу сообразил, в чем дело, когда у входа увидел Фэй. Напряженно вглядываясь в

полумрак ниши, где помещалось контрольное устройство, она наугад нажимала кнопки.

Стамерс, не останавливаясь, промчался мимо. А через секунду нас с Фэй буквально втянуло в гостиную, когда потолок в ней снова поднялся, а выжатый из дома воздух сильным потоком хлынул в дверь. Стамерс успел вовремя добежать до аварийного щита и выключить питание.

С округлившимися от пережитого испуга глазами он пытался привести в порядок расстегнувшийся воротничок сорочки.

- Буквально на волоске, миссис Талбот, на волоске... - прерывающимся голосом произнес он и засмеялся нервным смехом.

Но когда мы пересекали двор, направляясь к машине, он уже снова был агентом по продаже недвижимости, расхваливающим свой товар.

- Прекрасная собственность, мистер Талбот, прекрасная. Дому всего лишь восемь лет, а какая родословная? Заметили? Редкий шанс начать все сначала, в ином, так сказать, измерении...

Я криво усмехнулся.

- Возможно. Но это шанс не для нас.

Мы с Фэй собирались обосноваться здесь года на два. Я хотел открыть адвокатскую контору неподалеку, в городе Ред Бич, что в двадцати ми-

лях отсюда. Мысль купить дом в Красных Песках пришла мне в голову не только потому, что в самом Ред Бич пыльно, смог и высокие цены на недвижимость. Я рассчитывал расширить свою клиентуру за счет старожилов Красных Песков, всех этих престарелых кинозвезд и безработных импресарио. Всем известно, что это самый сутяжный народ в мире. Поселившись среди них, я со временем мог бы рассчитывать на приглашение на ужин или партию в бридж. А в таких случаях всегда можно, словно невзначай, тактично и ненавязчиво, завести разговор об удачных процессах по пересмотру завещаний или успешном улаживании дел о нарушении контрактов.

Однако, продолжая знакомство с улицей Стеллависта, я уже не верил в то, что мы подберем здесь что-нибудь подходящее. Вот мы проехали мимо ассирийского зиккурата (последний его владелец страдал болезнью, именуемой пляской св. Витта, и дом до сих пор корчился в конвульсиях, словно Пизанская башня под током высокого напряжения). А вот переоборудованное под жилье укрытие для подводных лодок (его владелец, должно быть, страдал алкоголизмом). При виде этих сырых мрачных стен мы с Фэй ощутили чье-то горькое одиночество и неизбывную тоску.

Наконец, мистер Стамерс сдался и вернулся вместе с нами на грешную землю. Но, увы, его так называемые «нормальные» дома были ничуть не лучше. Вся беда в том, что большинство участков в Красных Песках застроено в стиле примитивной экзотики, присущем периоду расцвета психотропной архитектуры. Тогда возможности новых биопластиковых материалов буквально вскружили архитекторам головы. Это было еще до компромиссного решения строить наряду с психотропными домами также дома старого образца из жестких конструкций. Но, к сожалению, увлечение биопластексом было столь безрассудным, что многие дома из сенсорных материалов оказались сверх меры чувствительными и податливыми к настроениям и образу жизни своих обитателей. Поселиться в таком доме означало бы залезть без спроса в чужую душу и в чужие мысли. К тому же дома из биопластекса, когда они надолго лишаются жильцов и не имеют возможности использовать свои сенсорные свойства, быстро приходят в негодность, стены их высыхают, выветриваются, и дома разрушаются.

Некоторые люди, однако, продолжают утверждать, что психотропные дома способны бесконечно хранить полученный запас впечатлений

и информации, и поэтому с трудом привыкают к характеру и привычкам своих новых хозяев. Легендой стал случай с одним новоиспеченным миллионером «из народа». Движимый тщеславием, он купил за миллион долларов психотропный дом, ранее принадлежавший семье потомственных аристократов. Впитавший привычки своих прежних хозяев, их нетерпимость к дурным манерам, просторечью и соленым словцам, дом своим холодным презрением буквально выморозил миллионера из своих стен.

И все-таки, даже если эхо чужой жизни иногда и мешает новым обитателям психотропных домов, не все бывает так уж плохо. Многие недорогие психотропные дома, хранящие смех, веселье и радость, некогда наполнявшие их, могут благотворно повлиять на жизнь своих новых обитателей. Именно такой дом мы с Фэй мечтали найти здесь. Вот уже год, как что-то изменилось в наших отношениях, что-то ушло, было безвозвратно утеряно. Поэтому дом с нормальным и уравновешенным характером и здоровыми рефлексами, дом, усвоивший привычки и образ жизни какого-нибудь преуспевающего банкира средней руки и его любящей и заботливой женушки, очень бы пригодился нам с Фэй сейчас для

налаживания наших пошатнувшихся семейных отношений.

Однако, внимательно изучая проспект, я обнаружил острый дефицит в Красных Песках именно в такого рода домах. Все больше рекламировались дома желчных ипохондриков. многократно разведенных телевизионных боссов или же, что показалось мне странным, дома, о которых, кроме адреса, ничего более не сообщалось

К последним относился дом 99 по улице Стеллависта. Напрасно я пытался найти в проспекте хотя бы что-нибудь о его прошлом, пока мы, выйдя из машины, шли по дорожке к дому. Ничего, кроме фамилии его владельца, я не нашел. Принадлежал он некой мисс Эмме Слэк. Об ее характере, привычках и психических особенностях проспект умалчивал.

Уже с первого взгляда на дом можно было безошибочно сказать, что он был построен для женщины. Он напоминал огромный цветок орхидеи, лежащий на низком цементном постаменте в самом центре лужайки. В одном из белых его лепестков помещалась гостиная, в другом спальня хозяйки. Широкие, как крылья птицы, лепестки распростерлись над лужайкой, над рощицей из магнолий и почти достигали ворот. Меж крыльев,

на первом этаже, была терраса. Она полукругом охватывала небольшой подвесной плавательный бассейн в форме сердца и уходила куда-то в самую глубину дома-орхидеи. А там высилось трехэтажное здание. Здесь размещались просторная двухэтажная кухня и комнаты для шофера.

Судя по всему, дом был в хорошем состоянии. Пока Стамерс ставил машину, я успел внимательно рассмотреть белые лепестки, простершиеся над нашими головами. Пластекс был без единой трещины, тонкие прожилки в нем, сбегающиеся к центру, напоминали своим рисунком листок.

Я заметил, что Стамерс не спешит включать дом. Указывая широким жестом руки то направо, то налево, он старался обратить наше внимание на многочисленные достопримечательности дома, пока мы неторопливо поднимались по стеклянным ступеням террасы. Но он не спешил найти нишу с контрольным устройством. Я было даже подумал, что дом поставлен на консервацию, как теперь бывает со многими психотропными домами. Это, впрочем, не означает, что они не пригодны для жилья. Наоборот, это делает жизнь в них более спокойной.

- Неплохой дом, - сказал я, когда Стамерс указал мне на бассейн в форме сердца. Сквозь его стек-

лянное дно я увидел машину Стамерса, стоявшую внизу. Она показалась мне цветным китом, задремавшим на дне океана.

- Да, неплохой, - согласился я еще раз.- А почему бы не включить его?

Стамерс, обойдя меня, устремился в кухню.

- Бесспорно, миссис Талбот, вам прежде всего хочется взглянуть на кухню. Не будем торопиться, чувствуйте себя, как дома.

Кухня действительно была шедевром. Полностью автоматизированная, со встроенной мебелью и кухонными агрегатами всех видов. Все было продумано, удобно и красиво. Выполнив свою работу, кухонные машины сами прятались в удобные ниши и стенные шкафы. Да, кухня была подлинным чудом, но я подумал, что среди обилия этой техники мне понадобится не менее двух дней, чтобы научиться варить яйца всмятку.

- Неплохой заводик, - заметил я. А Фэй как зачарованная бродила по кухне, касаясь пальцами сверкающих никелированных поверхностей.

- Что ж, вполне подойдет для изготовления, скажем, пенициллина. - Я постучал пальцем по проспекту. - Хотелось бы знать, почему этот дом продается так дешево, почти даром? Всего двадцать пять тысяч?

В глазах Стамерса появился огонек оживления. Он заговорщицки улыбнулся мне, как бы говоря: «Вот он, твой звездный час, твоя удача», и потащил меня показывать комнату для отдыха и игр, затем библиотеку, без умолку расхваливая то достоинства дома, то свою фирму с ее успешной тридцатипятилетней деятельностью, то восхитительный по своей лаконичности садик перед окнами (одиночные насаждения каких-то полиуретановых вечнозеленых).

Наконец, решив, что я достаточно потрясен всем виденным, он включил дом.

Мне трудно объяснить, что произошло в тот момент, но я вдруг понял, что Эмма Слэк была, бесспорно, незаурядной личностью.

Медленно обходя пустую гостиную, я чувствовал, как передо мной отступают стены, двери становятся шире, и странные звуки, похожие на далекое, еле уловимое эхо, наполняют дом. Реакция дома была едва ощутимой, но было в ней что-то тревожащее, словно кто-то невидимый стоял за моей спиной и пытался заглянуть мне в лицо. Каждая из комнат, куда я заходил, чутко отзывалась на мое присутствие, и мне казалось, что чьи-то долго сдерживаемые чувства и страсти вот-вот готовы взорваться и найти свой выход.

Слегка склонив голову на плечо, я прислушивался, и мне слышался то нежный звук женского голоса, то легкий шелест, и виделась мелькнувшая тень в углу там, где внезапно возникли ниши и дверные проемы. В одно мгновенье все вдруг менялось и оставалось лишь чувство загадочной тревоги.

- Говард, тебе не кажется, что здесь как-то жутковато, - промолвила Фэй, тронув меня за рукав.

- Зато интересно. Всего несколько дней, и это все уйдет. Здесь будут царить только наши чувства и настроения.

Фэй неуверенно пожала плечами.

- Я не выдержу этого, Говард. Мистер Стамерс должен найти нам самый обыкновенный дом.

- Дорогая, это Красные Пески, а не обычный пригород. Здесь жили личности, яркие индивидуальности.

Я посмотрел на Фэй, увидел знакомый нежный овал ее лица, детский рот и подбородок, челку белокурых волос и вздернутый нос, да еще полные испуга и потерянности глаза, и внезапно понял, что Фэй, в сущности, обычная домохозяйка из пригорода, которая вдруг поняла всю дерзость и неосторожность своего желания поселиться в таком экзотическом месте, как Красные Пески.

Я обнял ее за плечи.

- Хорошо, детка, ты, пожалуй, права. Найдем что-нибудь попроще, где можно оставаться самим собой. Что ж, так и скажем Стамерсу.

К моему удивлению, агент ничуть не огорчился, когда на его вопрос я отрицательно покачал головой. Он лишь что-то пробормотал себе под нос и выключил дом.

- Я понимаю миссис Талбот, сказал он, когда мы спускались вниз.- Некоторые дома здесь буквально населены призраками. Мало кому захочется жить с призраком Глории Тремэйн. Это не так просто.

Я остановился, не дойдя двух последних ступеней.

- Глория Тремэйн? Мне казалось, вы сказали, что дом принадлежал Эмме Слэк, и никому больше?

- Так оно и есть. Ее настоящее имя Эмма Слэк. Я не хотел вам говорить, хотя всем в округе это известно. Мы особенно не распространяемся об этом, когда предлагаем дом. Иначе никто не согласится даже войти в него.

- Глория Тремэйн? - с интересом воскликнула Фэй. - Это не та ли кинозвезда, что застрелила мужа? Кажется, он был известным архитекто-

ром. Да ведь ты сам участвовал в том процессе! Помнишь?

Пока оживленная Фэй задавала свои вопросы, я повернулся и посмотрел на залитую солнцем лестницу, ведущую в гостиную, и вспомнил все, что было десять лет назад: нашумевший процесс, ход которого, а затем приговор, как бы подвели черту и ознаменовали конец целого поколения беспечных и безответственных людей, баловней судьбы эпохи процветания. Хотя Глория Тремэйн была оправдана, все знали, что она спокойно и хладнокровно выстрелила в своего мужа, архитектора Майлса Ванден-Стара, выстрелила, когда он спал в своей постели. Лишь талант и красноречие адвоката Дэниела Хаммета, помощником которого я, начинающий тогда адвокат, был на процессе, спасло ее от возмездия.

- Да, помню, я участвовал в защите. Это было так давно. Подожди меня в машине, детка, - быстро сказал я Фэй. - Мне надо кое-что уточнить.

И прежде чем она опомнилась, я уже взбежал по лестнице на террасу и захлопнул за собой стеклянную дверь. Лишенные жизни белые стены, кольцом охватывающие бассейн, казалось, доставали до неба. Вода в бассейне застыла как остановившееся время. Заглянув в ее темную

глубину, я увидел внизу ждущих меня в машине Стамерса и Фэй. Они напоминали кадр из моего будущего.

* * *

...Все три недели, что длился процесс, я, сидя за адвокатским столиком, находился всего в нескольких шагах от подсудимой. Как и многим из присутствующих в зале суда, мне надолго запомнилось ее лицо, похожее на маску, и сосредоточенный взгляд, устремленный на дававших показания свидетелей - ее шофера, полицейского врача, соседей, услышавших выстрел. В ее глазах не было ни тени каких-либо эмоций, отклика на происходящее. Она напоминала сверкающего паука, которого пытаются призвать к ответу его жертвы. Они нить за нитью рвали паутину, в центре которой она сидела, невозмутимо и спокойно, предоставив адвокату самому выходить из создавшегося положения. Она оставалась все той же «Снежной королевой», образ которой не сходил с экранов мира вот уже пятнадцать лет.

Пожалуй, эти невозмутимость и спокойствие и спасли ее в последнюю минуту, поставив в тупик и обескуражив присяжных. Я же, признаться, к концу третьей недели утратил всякий инте-

рес к судебному разбирательству. Разумеется, я помогал Хаммету находить нужные справки и документы, а главное, то и дело по его просьбе с шумом открывал и закрывал его красный фанерный чемоданчик (прекрасное средство, утверждал Хаммет, отвлечь в нужную минуту внимание присяжных). Сам же я не сводил глаз с Глории Тремэйн, пытаясь найти хоть какой-то человеческий изъян в этом лице-маске, понять, кто же она. Видимо, в то время я был всего лишь еще одним желторотым юнцом, без памяти влюбившимся в миф, созданный кинорекламой. Но я искренне верил, что влюблен, и когда суд присяжных вынес оправдательный приговор, для меня Земля снова завертелась вокруг своей оси.

Решение суда было явной насмешкой над правосудием, но самое удивительное было в том, что адвокат Хаммет верил, что обвиняемая невиновна. Как и многие преуспевающие адвокаты, он, начиная карьеру, в основу своей адвокатской практики положил принцип: правосудие должно карать виновных и защищать невинных. Придерживаясь этого постулата, он успешно провел немало дел и снискал славу блестящего защитника, не знающего поражений.

Внизу Стамерс посигналил мне. Надо было

возвращаться. Не торопясь я вновь обошел гостиную, спальни, обводя взглядом пустые комнаты, слегка касаясь рукой гладкой поверхности стен и напрягая всю силу своей воли, чтобы вновь вызвать в своей памяти все, что я помнил о Глории Тремэйн. Какое счастье - чувствовать ее присутствие в каждом уголке, в каждой клеточке этого дома, хранящего ее образ и поэтому ставшего мне теперь таким родным. Даже тень ее мужа не сможет мне помешать. Да, той Глории Тремэйн, в которую я был страстно влюблен, уже нет в живых, но этот дом стал хранилищем ее души.

Все прошло довольно гладко. Фэй вначале сопротивлялась, но когда я пообещал купить ей норковую шубку на те деньги, что мы сэкономим, купив этот дом, она наконец согласилась. К тому же первые несколько недель я включал дом лишь на самое минимальное напряжение, чтобы избежать столкновения двух женских характеров. Основной проблемой в психотропных домах является преодоление образов прошлого в памяти дома. Этого обычно достигают, усиливая напряжение в электросети, питающей дом: чем выше напряжение, тем быстрее память дома освобождается от переданных ему прежними хозяевами привычек, эмоций, подспудных страхов

и опасений. Мне же хотелось как можно дольше сохранить присутствие Глории, и я не спешил.

Именно тогда-то я и обнаружил, что в доме жив дух Майлса Ванден-Стара, ее мужа. А эхо Глории все слабело, оно явно исчезало, и тут я со всей неумолимой реальностью осознал, что нас с Фэй ждет.

Наши привычные ссоры и размолвки, которые обычно быстро забывались, приобретали теперь совсем другой характер, превращаясь в озлобление и обиду. После ссор, происходивших в гостиной, стены ее долго не могли успокоиться, даже когда я уже был совершенно спокоен и все было забыто. Я часто сам с удивлением наблюдал это.

Постепенно я пришел к выводу, что причиной затаенного и безысходного гнева стен был мужчина. Нетрудно было догадаться, что это был сам Ванден-Стар, построивший для Глории этот дом. Он успел прожить в нем всего лишь год, но след, оставленный в барабане памяти дома, говорил о том, что здесь почти всегда царила атмосфера слепой и враждебной ненависти.

Когда постепенно наша жизнь с Фэй стала входить в свою колею, я вдруг обнаружил, что моя женушка весьма преуспела в своем намерении

изгнать из дома всякие признаки сдержанной и уравновешенной Глории Тремэйн. Ее присутствие теперь еле угадывалось, зато присутствие Ванден-Стара становилось все ощутимей. Я вспомнил тот далекий судебный процесс и фотографии Стара, фигурировавшие в качестве документов и приобщенные к делу. Вот он с воинственным видом рядом с Ле Корбюзье и Ллойдом Райтом во время какой-то встречи, чтобы обсудить проекты застройки где-нибудь в Чикаго или Токио, маленький диктатор, пучеглазый, с тяжелой челюстью и нездоровым блеском в глазах (должно быть, страдал болезнью щитовидной железы). А затем фотографии, сделанные уже здесь, в Красных Песках, в 70-е годы. Его появление в замкнутом мирке кинознаменитостей было подобно вторжению акулы в аквариум с золотыми рыбками. Но одно бесспорно - он был выдающимся архитектором, автором знаменитых проектов, сильная и целеустремленная личность, несмотря на свой необузданный нрав.

Для нас с Фэй, удрученных собственными размолвками, присутствие тени Ванден-Стара лишь сгустило атмосферу до грозовой тучи, и это не сулило ничего хорошего. Как мне ни хотелось вернуть дух прежних беззаботных дней этого

киногородка, мне это не удавалось. Мое раздражение росло и накаляло еще больше грозовую обстановку. Серьезным недостатком психотропных домов является фактор резонанса. Люди с диаметрально противоположными характерами в конце концов довольно быстро налаживают и стабилизируют свои отношения. Эхо непременно отвечает на каждый новый звуковой импульс. Но если люди схожи между собой, взаимодействуют как бы на одной волне, в одном диапазоне, они взаимоусиливают друг друга, укрепляются в своих качествах, им остается лишь приспосабливаться друг к другу, как кому удобно. Вскоре я заметил в себе черты характера Ванден-Стара, а также и то, что мое усиливающееся раздражение и недовольство Фэй вызывает все большую неприязнь дома.

Лишь потом, значительно позднее, я понял, что, по сути, обращался с Фэй так, как Ванден-Стар обращался с Глорией Тремэйн. Таким образом, мы шаг за шагом повторяли их трагические отношения, которые могли привести к столь же страшной развязке.

* * *

Фэй мгновенно почувствовала, что атмосфера

изменилась.

- Что произошло с нашими жильцами, Говард? - насмешливо спросила она меня за обедом. Призрак не проявляет к тебе интереса? Дух не хочет или плоть слаба?

- Кто знает? - раздраженно ответил я. - Это тебя надо благодарить. Ты порядком постаралась, чтобы все здесь расстроить.

Я обвел глазами столовую, надеясь, что где-нибудь уловлю хотя бы признак присутствия Глории, но она исчезла.

Фэй вышла в кухню, а я сидел, тупо уставясь в недоеденный салат. Вдруг ло моего слуха донеслось чуть различимое журчанье в стене за моей спиной, серебристая струйка сверкнула и тут же исчезла, едва я повернул голову. Я напрасно пытался удержать ее. Первое эхо Глории с тех пор, как начались наши размолвки с Фэй! Вот снова легкое движение воздуха, когда я поднялся, чтобы пройти в спальню, где плакала Фэй.

Но Фэй ушла в ванную. Когда я нашел ее там, я уже явственно ощутил тревогу, которая напслняла дом. Тревога была женской, она была ответом на слезы Фэй. И тревога не рассеивалась. Она как эхо моего раздражения, вызывающее ответный отклик Ванден-Стара, продолжала ви-

сеть в воздухе. Я шел вслед за нею по комнатам, а она уже затаилась под потолком, не собираясь покидать дом.

Возвращаясь снова в гостиную, я понял, что дом следит за мной, словно раненый зверь.

Два дня спустя на Фэй было совершено покушение.

Я только что вернулся с работы домой и, не успев подняться на крыльцо, уже почувствовал, как во мне растет капризное, почти детское чувство обиды на Фэй, поставившей свою машину в гараже на мое место. Прежде чем пойти в гостиную, я искренне пытался совладать с собой, но дом уже почуял неладное. Он жадно впитывал мой гнев и, накалив его еще больше, возвращал его мне, заражая атмосферу в холле настолько, что стены потемнели и пришли в движение.

Не сдержавшись, я уже выкрикнул что-то оскорбительное в адрес Фэй, она из гостиной тоже прокричала что-то в ответ, а потом вдруг раздался ее отчаянный вопль:

- Говард, скорее! Помоги!..

Я бросился в гостиную, но грудью ударился в дверь, которая при моем появлении не пожелала открываться - реле не сработало. Дом был сер и насторожен, плавательный бассейн напоминал

застывшее пятно олова.

В гостиной продолжала звать на помощь Фэй. Я рванул ручку аварийного управления и с силой дернул дверь на себя.

Я не сразу увидел Фэй на диване. Над нею, почти полностью закрывая ее, так, что видны были только ноги, навис, напоминая упавший полог, серый потолок. Деформированный пластекс, растекаясь, образовал над головой Фэй угрожающего вида шар диаметром не менее ярда.

Приподняв руками все еще податливую серую массу, я кое-как вытащил из-под нее Фэй. Она была почти вдавлена в подушки дивана. Задыхаясь от бесшумных рыданий, Фэй обхватила меня руками.

- Говард, этот дом... он сошел с ума! Он хотел убить меня!.. - наконец смогла вымолвить она.

- Глупости, Фэй! Произошло самопроизвольное аккумулирование сенсорных клеток. Это бывает. Оно могло быть вызвано сущим пустяком, например, ритмом твоего дыхания...

Я успокаивающе похлопал ее по спине, как делал это когда-то давно, и вспомнил ее, почти девочку, в первые годы нашей супружеской жизни.

С удовлетворением, почти с улыбкой я сле-

дил, как медленно отступает потолок, светлеют стены.

- Говард, мы можем уехать отсюда, сейчас же, немедленно? Будем жить в нормальном доме. Я знаю, это скучно, но разве это так важно?..

- Такие дома не только скучны, они мертвы. Успокойся, дорогая, все обойдется, все будет хорошо, ты скоро привыкнешь...

Я почувствовал, как Фэй отшатнулась от меня.

- Я не останусь в этом доме, Говард. Ты все время занят, ты так изменился... - И она снова заплакала и, указывая на потолок, сквозь слезы воскликнула: - Если бы я не упала на диван, он убил бы меня, понимаешь, убил!..

Я кивнул, соглашаясь с ней, и оправил смятую накидку на диване.

- Вот, смотри, следы твоих каблуков. - Я уже не мог сдержать кипевшее во мне раздражение. - Сколько раз я тебя просил не валяться на диване. Это тебе не пляж. Ты знаешь, Фэй, как я не выношу этого.

Вокруг нас снова задвигались стены, покрываясь темными пятнами.

Почему Фэй так раздражает меня последнее время? Не оттого ли, что меня подсознательно мучает моя вина перед ней? Или же я просто

орудие той раздражительности и злобы, что накопилась в доме за то время, что Глория Тремэйн и Ванден-Стар провели под его крышей? И теперь все это обрушилось на нас, ни в чем не повинную и не столь уж несчастливую супружескую пару, вздумавшую поселиться в доме 99 по улице Стеллависта. Возможно, думая так, я был слишком снисходителен к себе, считая себя всего лишь слепым орудием. К тому же мне казалось, что мы с Фэй не так уж плохо прожили эти пять лет вместе. Мое увлечение Глорией Тремэйн, в сущности, не носит характера какой-то роковой страсти, от которой теряют рассудок.

Что бы там ни было, но Фэй не захотела ждать, что будет дальше. Два дня спустя, когда я вернулся из конторы, в кухне на мемофоне меня ждала кассета с запиской от Фэй. Она извещала меня, что более не в силах выносить ни этот дом, ни мое отношение к ней и уезжает к сестре в восточные штаты.

Если быть честным, то первой реакцией на письмо Фэй, после привычной вспышки гнева, было облегчение. Я продолжал считать ее виноватой в том, что из дома ушел дух Глории, и прочно утвердился Ванден-Стар. Я был уверен, что теперь Глория и моя юношеская влюблен-

ность в нее снова вернутся.

Мои надежды лишь частично сбылись. Глория вернулась, но это была совсем другая Глория Тремэйн. Знай я это, я не участвовал бы тогда в ее защите, да и вообще держался бы от всего этого подальше.

Прошло несколько дней, и я почувствовал, что дом как-то обособился от меня, и его закодированная память существует независимо от моих действий и поступков. Часто по вечерам, когда я возвращался домой, я обращал в бегство призраки Ванден-Стара и Глории Тремэйн. Темная мрачная тень Стара угрожающе вытесняла легкую ускользающую тень Глории. Этот поединок ощущался почти зримо стены в гостиной темнели от пароксизмов гнева, темнота зловеще сгущалась вокруг слабого лучика света, который пытался укрыться то в нише, то в алькове. Но в конце концов Глория сдавалась и обращалась в бегство, оставляя за собой корчащиеся и шипящие от злобы стены.

Фэй вызвала к жизни дух протеста, и Глории предстояло самой пройти этот нелегкий путь. Следя, как воссоздавалась Глория в своей новой роли, я старался не упустить ни единого штриха или детали, и для этого включал контрольное

устройство на полную мощность, ничуть не заботясь о том, как это скажется на доме.

Однажды меня проведал Стамерс проверить исправность механизмов. Еще с шоссе он заметил, как дом трепыхался, словно наживка на крючке, и менял окраску. Я поблагодарил агента за заботу и постарался как можно скорее выпроводить его. Позднее он говорил, что я бесцеремонно вытолкнул его за дверь и вообще произвел на него ужасное впечатление. Я действовал как безумный, метался по темным комнатам скрипевшего всеми своими суставами дома, и что все это напоминало сцену из трагедии ужасов елизаветинских времен.

Подавляемый мощной личностью Майлса Ванден-Стара, я все больше убеждался теперь, что он намеренно доводил Глорию Тремэйн до безумия. О том, что могло вызвать в нем столь сильную ярость, я мог только гадать. Возможно, он завидовал ее популярности или же просто она ему изменила. Глория, не вынеся всего этого, выстрелила в него. Да, это было актом самозащиты.

* * *

Спустя два месяца Фэй подала на развод. В панике я бросился к телефону и умолял ее не

делать публикаций в газете - это может повредить репутации моей адвокатской конторы. Но Фэй была непреклонна. Больше всего меня обозлил ее счастливый голос. На все мои просьбы не торопиться с разводом она отвечала, что он ей нужен потому, что она снова выходит замуж. В довершение отказалась назвать имя своего нового избранника. Это было последней каплей.

Когда я бросил трубку на рычаг, ярость моя не знала предела. В этот день я рано ушел из конторы и, обойдя все бары в округе, с трудом добрался ло Красных Песков. Мое возвращение можно уподобить взлому линии Зигфрида. Нежным магнолиям был нанесен непоправимый ущерб, а двери гаража разнесены вдребезги.

Входная дверь не подчинилась мне, и не оставалось ничего другого, как проникнуть в дом через стеклянные стены террасы. Взбираясь затем по темной лестнице, я по очереди сбрасывал с себя одежду, сначала шляпу, затем пальто, которое тут же швырнул через окно в бассейн. Наконец, когда я достиг гостиной, было уже около двух ночи. Я налил себе стаканчик виски на ночь и включил стереограф с записью вагнеровской «Гибели богов». К этому времени молчавший дом вышел из оцепенения.

По дороге в спальню я заглянул в комнату Фэй проверить, все так ли еще сильна во мне память о ней, и попробовать, как наилучшим образом избавиться от нее. Я пнул платяной шкаф, стянул с кровати матрац и бросил на пол, все это время награждья свою, теперь уже бывшую, женушку самыми нелестными эпитетами.

Было около трех часов ночи, когда я наконец добрался до своей спальни и, предварительно выплеснув часть виски на простыни, повалился в чем был на кровать. Я тут же уснул. Дом вертелся вокруг меня как диск проигрывателя.

Было, должно быть, четыре утра, когда я проснулся от странной тишины в моей сумеречной спальне. Я лежал поперек кровати, держа в одной руке пустой стакан, а в другой потухшую сигару. Стены спальни были немы и неподвижны. Ни единого трепетного движения воздуха, еле уловимого сквознячка, каким психотропные дома отвечают на мерное дыхание спящих в нем людей.

Я сразу почувствовал, как что-то изменилось в привычной перспективе моей спальни. Сосредоточив внимание на серой выпуклости на потолке, я одновременно прислушался к шагам на улице. Да, я не ошибся, стена, примыкавшая к

коридору, отступила вглубь, дверной проем стал шире, словно пропустил кого-то. Никто не вошел в комнату, но стены ее раздвинулись, словно давали место еще кому-то, кроме меня, а потолок поднялся круглым куполом. Пораженный, я не шевельнулся на своей постели, следя за тем, как возникала невидимая стена воздуха в пустой части комнаты и как она двигалась на меня, все ближе и ближе к моей кровати, и тени ее переливались на потолке.

Вот она уже у изножья кровати. Я почувствовал, как она задержалась, как бы колеблясь. двигаться ли дальше. и все же не остановилась совсем, а начала дрожать и вибрировать какими-то судорожными рывками, словно охваченная тревогой и нерешительностью.

Потом вдруг комната затихла, но через мгновенье, только я сделал усилие, чтобы приподняться на локте, по комнате словно судорога пробежала, закачались, выгибаясь, стены, и я почувствовал, как оторвалась от пола моя кровать. Весь дом затрясся в лихорадке. Охваченная безумием спальня то расширялась. то сужалась какими-то судорожными рывками, напоминавшими биение смертельно раненого сердца. Потолок то поднимался, то опускался, а пол готов был

провалиться.

Я с трудом удерживался на пляшущей и раскачивающейся кровати. Столь же внезапно конвульсии прекратились, стены встали на свои места. Я спустил ноги на пол и попытался встать, гадая, что еще придумает этот ошалевший дом, как вдруг моя голова больно ударилась о низко нависший потолок.

В комнате стоял предрассветный сумрак, и слабый свет луны, проникший сквозь три круглых вентиляционных отверстия, оставил бледные блики на полу за кроватью, но вскоре они исчезли, когда стены спальни снова задвигались.

Я уперся руками в давивший на меня потолок и почувствовал его нарастающую тяжесть. Углы комнаты закруглились, сливаясь со стенами, и вскоре моя спальня приняла форму шара. Давление воздуха все возрастало. Задыхаясь, я попробовал пробраться поближе к вентиляционным отверстиям и уцепился руками за их края. Я почувствовал, как отверстия сужаются, зажимая мои кисти. Сжатый воздух со свистом вырывался из спальни наружу, но я прижался к отверстиям всем лицом, пытаясь втянуть хоть один глоток прохладного ночного воздуха, а мои руки продолжали раздвигать неподатливый пластекс

и не давали отверстиям в стене окончательно закрыться.

Я знал, что аварийный выключатель за дверью в дальнем конце комнаты. Изловчившись. как ныряющий в воду пловец, я перемахнул через кровать и достиг двери, но аварийный выключатель исчез под массой пластекса.

Задыхаясь, я сорвал галстук. Я был в ловушке, я задыхался в этой комнате, воспроизводящей предсмертные конвульсии Ванден-Стара, в которого выстрелила Глория, и пуля пробила его грудь Я судорожно шарил по карманам в поисках перочинного ножа, но нащупал лишь зажигалку.

Слабый язычок пламени осветил серый шар комнаты диаметром не более нескольких шагов. Стены были в толстых вздутиях вен. На моих глазах они раздробили в щепки остов кровати.

Мой мозг лихорадочно искал выхода. Я поднес зажигалку к низко нависшему потолку и дал слабому огоньку лизнуть серую массу. Она тут же, пузырясь, стала плавиться, вспыхнула и разорвалась, образовав щель, напоминавшую гигантские огнедышащие губы.

Когда шар комнаты наконец лопнул, я увидел искривленную пасть коридора, оплывающий потолок столовой. Скользя по плавящемуся пла-

стексу, я выбрался из спальни.

Я смотрел, как рушится дом, прогибаются стены, полы встают дыбом, а из бассейна, когда рухнули опоры, выплескивается вода. Стекла террасы лопнули и рассыпались, оставив лишь острые осколки, торчащие из рам.

Я бросился в спальню Фэй, помня, что там тоже есть аварийный выключатель, рванул его на себя и одновременно нажал кнопку противопожарного устройства.

Дом какое-то время еще дрожал, но постепенно затих и словно окаменел. Я прислонился к покореженной стене и подставил лицо водяным струям, бившим из исправно работавшего противопожарного устройства.

С помятыми и разорванными лепестками, дом поник, как сломанный цветок.

* * *

Стоя среди вытоптанных газонов, с ужасом и изумлением Стамерс смотрел на дом. Было около семи утра, последние полицейские машины уже уехали, когда наконец лейтенант полиции признал себя побежденным.

- Черт побери, не могу же я арестовать дом за попытку совершить убийство? - с каким-то даже

вызовом заявил он. Я расхохотался. Нервный шок сменился истерическим смехом.

Стамерс по-прежнему не понимал моего поведения.

- Что вы там натворили? - спросил он, понизив голос до шепота.

- Ровным счетом ничего. Говорю вам, спал. Успокойтесь. Дом не слышит вас. Я его вырубил начисто.

Мы брели по почерневшему от копоти гравию, через воду. похожую на черное зеркало, залившую всю парадную часть газона перед домом. Стамерс горестно покачал головой.

Дом действительно напоминал сюрреалистический кошмар с исчезающими перспективами и смещенными линиями.

- Дом сошел с ума,- пробормотал Стамерс. - Вот кто действительно нуждается в психиатре, если хотите знать.

- Вы правы, старина,- поддержал я его.- Именно эту роль я и хочу взять на себя. Надо воспроизвести первоначальную ситуацию, приведшую к травме. Дать дому освободиться от подавляемых рефлексов, от раздражителей.

- Что за шутки? Дом чуть не убил вас.

- Ерунда. Во всем виноват Майлс Ванден-Стар,

но, как справедливо заметил лейтенант полиции, нельзя арестовать человека, который умер десять лет назад. Глубоко засевшие в памяти дома обстоятельства его смерти вырвались наконец наружу, дом не выдержал. Хотя Глория Тремэйн нажала курок, сам Стар навел пистолет на цель. Поверьте мне, вот уже два месяца, как я играю его роль. Мне страшно подумать, что было бы, если бы Фэй не была столь благоразумна и не оставила меня. Глория Тремэйн внушила бы ей мысль последовать ее примеру и прикончить меня. И кто знает, чем бы это закончилось для Фэй.

К великому удивления Стамерса, я решил остаться в доме 99 по улице Стеллависта. Кроме того, что у меня не было уже денег, чтобы купить себе новое жилище, сам дом на Стеллависте был полон для меня воспоминаний, с которыми мне нелегко было бы расстаться. Глория Тремэйн все еще витала здесь, и я был уверен, что теперь Ванден-Стар навсегда покинул его. Кухня и прочие службы не пострадали от пожара, да и большинство комнат, несмотря на деформацию потолков и стен, были пригодны для жилья. К тому же я нуждался в тишине и отдыхе, а что может быть тише и спокойней, чем нормальный дом.

Правда, дом 99 по улице Стеллависта в его ны-

нешнем состоянии едва ли можно было назвать нормальным. В его искореженных стенах и искривленных коридорах осталось все же что-то от психотропного дома, каким он когда-то был.

Контрольное устройство все еще работает, и когда-нибудь, в один прекрасный день, я включу его. Но одна мысль все еще не дает мне покоя. Что, если потрясения, столь изменившие вид дома, так же пагубно отразились на Глории Трем-эйн, и эти изуродованные потолки и стены это отражение ее деформированного, расколотого сознания? Оставаться здесь в таком случае было бы безумием, ибо дом продолжал привлекать меня своей неразгаданностью, словно полная тайны улыбка на прекрасном, но отмеченном печатью безумия женском лице.

Я изредка заглядываю в нишу, открываю щит контрольного устройства и смотрю на барабан памяти. На нем где-то записана она, такая, какая она есть на самом деле. Проще всего было бы стереть эту запись. Но я не сделаю этого.

Когда-нибудь, в один прекрасный день, чего бы это ни стоило, я все же включу дом.

Перевела с английского Татьяна Шинкарь.

James G. Ballard "The Thousand Dreams of

Stellavista", (1962).
Техника-молодежи N 7, 1990 г.